
Победи мои кошмары
Дарья Широкая
18+

Дарья Широкая
Победи мои кошмары

https://litres.ru/74775703
SelfPub; 2026

Аннотация

Токио, 1905 год. Като Акира, выпускник Императорского университета и ветеран осады высоты 203, вернулся с войны. Война закончилась для всех, кроме него. Стоит на секунду закрыть глаза, и снова... Работа учителем литературы в женском лицее должна стать последним шансом на спасение. Но восемнадцатилетней Сидзуку, невесте другого, однажды снится чужая война. Между ними сословные условности, чужая помолвка и общий кошмар

Содержание

1. Цветник 4
2. Бессонница 18
3. Прилежная ученица 30
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Дарья Широкая
Победи мои кошмары

1. Цветник

— Смотри!
— Он спит?
— Нет, девочки, он читает книгу!
— Посмотри на его глаза, он точно спит!
— Пока мы пишем сочинение, он спит?
— Не веришь — подойди и проверь!

Восемнадцатилетняя Мориути Сидзуку, студентка выпускного курса Японской женской университетской школы[1] осторожно поднялась из-за парты, и на носочках подошла к преподавателю. Сюртук угольно-серого цвета и белая рубашка Като-сенсея были безупречны, как и всегда, но его строгое и красивое лицо сейчас было по-детски расслаблено, веки с длинными ресницами слегка подрагивали, а на висках и шее выступили капли пота. Одной рукой он придерживал сгиб книги из дешевой бумаги, другой — прикрывал лоб, опуская

[1] Японская женская университетская школа (в соответствии с оригинальным произношением – Нихон Дзёси Дайгаку ######) – основана в 1901 году педагогом Дзиндзо Нарусэ. Стал первым высшим женским учебным заведением в Японии. Современное название – Японский женский университет.

пальцы на глаза. Со стороны казалось, что он внимательно читает книгу. Никакой реакции со стороны преподавателя не последовало. Сидзуку низко наклонилась и заглянула ему в лицо.

Он и в самом деле спал!

Улыбаясь, Сидзуку повернулась к остальным. Театральным жестом поднесла указательный палец к губам. Ее подружки: Канаэ, Томоко и Нанами, замерли в ожидании, едва сдерживая смех. Остальные студентки отвлеклись от сочинения, и тоже замерли, в предвкушении веселья.

Идея, неожиданно возникшая в голове с аккуратно уложенными блестящими волосами Сидзуку, показалась ей умопомрачительно веселой и остроумной. Ее действиями как будто кто-то руководил извне, когда она набрала в легкие побольше воздуха и гаркнула что было сил шипяще-рычащие слова на незнакомом языке. Ее голос сильно отличался от родного меццо-сопрано и был по-мужски груб.

Като-сенсей резко всплеснул руками, книжка подскочила и закрылась, а сам он с грохотом упал со стула, что показалось Сидзуку очень смешным.

Это было последним, что она помнила, прежде чем упасть в обморок.

***

Дверь в преподавательскую комнату закрылась со щелчком, напоминающим звук затвора в винтовке Арисака[2]. Это

[2] Арисака — семейство японских магазинных винтовок с продольно-сколь-

означало, что оружие готово к бою. На него устремились несколько заинтересованных, даже враждебных взглядов, готовых выстрелить ядовитыми словами в любую секунду.

Знают? Знают.

Стоило закончить лекцию, слухи о произошедшем случае мгновенно расползлись в стенах учебного заведения. Он и сам не понял, как отключился посреди лекции. И одна из студенток в обмороке… Пока остальные писали сочинение, открыл роман, купленный в книжной лавке в Гиндзе[3], и погрузился в чтение. Нельзя сказать, что его увлек сюжет или стройный слог, но что-то приятное сердцу было в этой книжонке.

— Като-сенсей!

Его окликнула Киёхара Умэко, пожилая преподавательница этикета. Она сидела за столом с идеальной осанкой, будто проглотила железный кол. Тонкие губы подтянулись в ниточку, а взгляд был переполнен презрением. Будто перед ней стоял не преподаватель (такой же, как и она), а бандит с большой дороги.

— Будьте добры объяснить, каким образом лекция по за-

зящим поворотным затвором, разработанное генерал-лейтенантом Нариакирой Арисакой. Принята на вооружение Императорской армии Японии в 1897 году (винтовка «Тип 30»); наиболее массовой стала модель «Тип 38» (1905) под патрон 6,5×50 мм. — около 3,4 млн. выпущенных экземпляров.

[3] Гиндза — торговый район в центре Токио, к 1905 году — один из главных символов модернизации города: застроен кирпичными «европейскими» домами после пожара 1872 года, освещен газом и электричеством, славился магазинами импортных товаров и кафе западного типа.

рубежной литературе превратилась в сеанс смехотерапии? — она говорила тихо, но в каждом ее слове сквозила едва сдерживаемая злость. — Как вы посмели спать на лекции в присутствии девушек из благородных семей? Это несмываемый позор! В старые времена вас бы…

— Сейчас тридцать восьмой год эры Мейдзи[4], а вы о старых временах вздыхаете! — отозвался Дои-сенсей, преподаватель естественных наук. От него всегда пахло серой и химикатами. — У каждого человека есть свой предел! Вы же не ругаете термометр, если он показывает слишком низкую температуру зимой?

— Причем здесь термометр, если речь идет о приличиях? — процедила Киёхара. — Это признак распущенности и неуважения! Перед ним сидели невинные девицы, а он позволил себе уснуть!

— Обыкновенная физиология и ничего больше. Когда эти девицы выйдут замуж, их мужья точно также уснут над книгой и это тоже можно считать признаком распущенности? — парировал Дои. — Не все в мире идеальное, каким бы вы хотели видеть.

— Damen und Herren! [5]Будьте пожалуйста тише! — в разговор вступил господин Фогель. — Herr Kato[6], разумеет-

---

[4] 1905 год.

[5] «Damen und Herren» (нем.) — «дамы и господа».

[6] «Herr Kato» (нем.) — «господин Като».

ся, не прав. Спать на своей же лекции — nicht gut[7]. Но вы же японцы, вы должны проявлять… Как это будет по-японски…

— Безнравственность, она и в Германии безнравственность! — повысила голос Киёхара. — И не говорите тут по-немецки!

— На японском вы можете только упиваться своей идеальностью! — махнул рукой Дои. — Это живой мир, а не кукольный театр!

Спор начал приобретать другой смысловой оттенок, основанный на взаимной непереносимости Дои и Киёхары, больше похожей на старую дружбу. На Като-сенсея уже никто не обращал внимания. Он прошел к своему столу и сложил записи с материалами лекций в папку. Его работа на сегодня окончена, можно восвояси убираться.

Дверь распахнулась, на пороге стоял секретарь директора: молодой человек с непомерно пышными усами для своего возраста, будто накладными.

— Като-сенсей, вас вызывают.

Присутствующие в комнате посмотрели на секретаря, затем перевели сочувствующий взгляд на Като. Только у Киёхары тонкая ниточка рта чуть изогнулась в улыбке.

Первое, что он увидел, это были портреты Их Величеств. Затем — девиз, выведенный на плакате красной и черной

---

[7] «Nicht gut» (нем.) — «нехорошо».

тушью: «Хорошая жена — мудрая мать».[8]

Директор сидел за массивным столом из темного дерева. То ли он был невысокого роста и мелкой комплекции, то ли стол слишком большим, но над столом возвышались только плечи, облаченные в клетчатый пиджак и голова в блестящих очках.

— Като-сенсей, — он всегда переходил сразу к делу. — До меня дошли слухи, что на лекции выпускного курса вы перешли рамки приличия и уснули, демонстрируя студенткам слабость духа и потакание страстям.

Като молчал, склонив голову в поклоне.

— Мне не известно о причинах, побудивших вас на такой поступок. Здесь не место для демонстрации слабости, — повысил он голос. — Мы воспитываем девушек из благородных семей. Должен быть полный порядок и неотступное следование правилам.

Като решил, что все окончится выговором, и уже хотел поблагодарить его за проявленное милосердие, но директор продолжал:

— В качестве предупредительной меры, вы лишаетесь

[8] «Хорошая жена – мудрая мать» (яп. ####, «Рёсай кэмбо») — «хорошая жена, мудрая мать»: официально утвержденный в эпоху Мэйдзи идеал японской женщины. Государство видело в женщине прежде всего опору семьи и воспитательницу будущих граждан: «мудрая мать» должна была прививать детям патриотизм и нравственность, а «хорошая жена» поддерживать мужа и вести хозяйство. Этот образ активно транслировался через школы для девочек, женские журналы и педагогические брошюры и стал нормой для женщин среднего класса в Токио начала XX века.

премии. Если подобное повторится, будете уволены с позором и без всяких рекомендаций. Свободны!

Като поклонился еще ниже и вышел из кабинета. После выговора он не чувствовал ничего. Другой преподаватель на его месте должен был страшно переживать, а лучше бы помереть от стыда на месте или уволиться самостоятельно. В старые времена, так любимые Киёхарой, самурай бы совершил сэппуку, но Киёхара забывала, что в старые времена понятия «женская университетская школа» не существовало в принципе. Девушки обучались грамоте и домоводству дома.

Сейчас новое время, новая эпоха. Маленькая Япония смогла победить огромную страну. И здесь давно нет места старым порядкам.

Впрочем, спать на собственной лекции было бы неприлично в любое время, будь оно старым или новым. Впредь следует учесть и быть внимательным к себе.

Но как быть внимательным, если ты не спишь вторые сутки подряд?

Като вернулся в преподавательскую, забрал свою папку и, набросив на плечи шерстяную накидку, выбежал на улицу. Зимнее солнце светило слишком ярко, резкий, холодный ветер ударил в лицо.

Как в Маньчжурии.

Като быстро шел по многолюдной улице, умело лавируя между прохожими, рикшами и экипажами. Тело двигалось механически, а разум в это время все еще был на лекции за-

рубежной литературы у выпускниц. Он помнил, как присел за стол и открыл книгу, солнечный луч приятно грел щеку. Студентки писали сочинение, время текло слишком медленно, а он уже устал ждать окончания, ведь неприлично доставать карманные часы каждые пять минут!

Он погрузился в текст и, в один из моментов, моргнул дольше обычного. Глаза закрылись сами собой. Провал. Да, это был не сон, а самый настоящий провал, будто кто-то погасил свет в его сознании и перенес в прошлое. Перед глазами была не аудитория, а окоп. Вместо студенток — однополчане, рвущиеся на штурм высоты 203[9].

Крики, стрельба, взрывы.

Внезапно перед ним возник солдат противника. Он направлял блестящий, наполовину побагровевший от чужой крови штык прямо на него. Като не мог отвести взгляда от ледяных голубых глаз. Между ними завязался бой, солдат что-то кричал ему, кажется, это было…

— Убирайся к черту!

Като снова услышал эти слова. Почувствовал, как падает вниз, и…

Послышался дружный хохот студенток. Он проснулся, лежа на полу, а в нескольких шагах от него лежала Мориути

---

[9] Высота 203 — гора в окрестностях Порт-Артура, за которую шли кровопролитные бои: ее штурм стал одним из самых тяжелых эпизодов осады. В декабре 1904 года японцы взяли высоту, что позволило им прицельно бить по гавани и предопределило падение крепости. Для современников 1905 года эта высота стала мерилом усилий и потерь.

без чувств.

Неизвестно, что их развеселило больше: его внезапный сон или подружка, лежащая без чувств. Он быстро завладел ситуацией, отправив одну из них за доктором, а остальные получили штраф в виде серьезного задания к следующей лекции.

Мориути пришла в себя еще до прихода доктора, но все равно была отправлена в медчасть. За исключением выговора директора и лишения премии, все обошлось…

И все же, в последние два дня стоило закрыть глаза, и появлялись образы из прошлого. Он иногда сравнивал себя с собакой Павлова, только в его случае выработался рефлекс на закрытые глаза. Раньше это было, но не так часто.

Улица перед ним не становилась уже или шире. Вокруг царила такая же суета. Като шел около парка Хибия и по привычке мазнул взглядом. Митингующие до сих пор там собирались, над их головами развевались красно-белые флаги и транспаранты с кривыми иероглифами: «Стыд!» и «Где наши контрибуции?». Его губы скривились в злорадной улыбке.

Безумцы. Убогие кликуши!

Като злобно сплюнул на мостовую и перешел на другую сторону улицы.

Если бы не эти кликуши, он бы… Ему бы не пришлось работать в этом чертовом цветнике, где он чувствовал себя слоном в посудной лавке. Где он и где эти нежные создания?

Разве он достоин вообще смотреть на них?

Впрочем, вскоре стало известно, что скрывается на самом деле за красивым фасадом и табличкой с золочеными иероглифами у входа… Если и считать это учебное заведение цветником, то только ядовитым.

***

Блики вечернего солнца мягко ложились на беленые стены комнаты в пансионе. Сидзуку лежала, укрытая двумя одеялами, но никак не могла согреться. Учебное заведение хоть и было построено на европейский лад, в нем было по-японски холодно. Ее взгляд лениво блуждал по белому потолку, мысли выписывали только ей ведомые виражи.

Почему Като-сенсей держится так отстраненно?

Почему иногда посреди лекции он замирает, и как-то странно смотрит в сторону?

Что руководило мной, когда я решила напугать его?

Сидзуку пыталась мысленно вернуться в тот момент и не могла отследить, когда своими действиями руководила она и с какого момента перестала отдавать себе отчет? Напугать преподавателя… может быть, это было весело в младшей школе, но не сейчас. В следующем году она закончит обучение, нужно быть серьезнее, — так всегда говорит ее отец.

За дверью послышались шаги. Сидзуку мгновенно пригладила волосы и приняла как можно более здоровый вид в постели.

— Сидзу-тян! — послышался писклявый голос задаваки

Томоко.

— Мы принесли тебе ужин! — кажется, это говорила верная подруга Канаэ.

Сначала вошла в комнату Нанами, поблескивая стеклами очков, а за ней Томоко и Канаэ. Последняя поставила на ее прикроватную тумбочку поднос со стаканом молока и пышной булочкой.

— Ты должна восстановить силы после сегодняшнего хихи, представления.

— Доктор сказал, что мне нежелательно перегружать желудок перед сном.

— И в самом деле, представления, — иронично отозвалась Нанами себе под нос. Затем она сняла очки и протерла белым носовым платочком с золотой вышивкой. Она была одной из лучших вышивальщиц.

— Сидзу, ты не представляешь, насколько это было гениально! — пропищала Томоко. — А скажи еще раз, что ты ему прокричала! Это что-то на иностранном?

— Это было так гру-убо! — подхватила Канаэ, имитируя мужской голос. — Я и не знала, что ты умеешь говорить разными голосами, — откашлявшись, продолжила она.

Сидзуку перехватила одеяло поудобнее, и села на постели.

— Я уже забыла, что говорила, — схитрила она, со страхом понимая, что совершенно не помнит, что ему говорила. В тот момент в ее голове было пусто-пусто, а на языке еще долго ощущался привкус железа и земли.

— Ой, да какая разница! — отмахнулась Канаэ. — Все были в восторге!

— Ты бы видела его лицо, — по мышиному рассмеялась Томоко. — Он так подпрыгнул, будто ему прокричал сам генерал Ноги!

— А книга, книга! Помните, девочки? Она ш-шурх, а потом шлеп, и упала, накрыв его сверху.

Девушки громко расхохотались, но быстро взяли себя в руки, опасаясь визита надзирательницы или того хуже, дежурного преподавателя. Сегодня дежурила Киёхара и никто не хотел встречаться лишний раз с Каргой в формалине.

— Кто он вообще такой, этот Като-сенсей? — прищурила глаза Нанами. — Он появился у нас посреди учебного года и уже такой важный!

— На вид он такой старый, — пискнула Томоко. — Ему, наверное, тридцать лет.

— Да нет, — возразила Сидзуко, — ему нет тридцати.

— Я слышала, что он родился за десять лет до принятия Конституции, — сказала Канаэ.

— Интересно, он женат? — улыбка Нанами стала опасной.

— Ты его для себя присматриваешь? — засмеялась Томоко. — Не думаю, что он тебе сгодится в мужья.

— Девочки, он будет хорошей партией для Нанами, — улыбнулась в первый раз за вечер Сидзуку. — Я слышала, он выпускник Императорского университета, закончил отделение литературы.

— Ого! — удивилась Канаэ, а потом бойко заговорила: — Получается, он учился вместе с Нацумэ-сенсеем? Я сейчас жду каждый новый выпуск «Кукушки» и там такой роман выходит, вы не поверите! Называется «Ваш покорный слуга кот»![10]

— А сам он что читает, вы видели? — подала голос Томоко. — Роман, купленный за несколько сэн! Вы представляете, литератор и читает дешевый бульварный роман!

— Ты думаешь, он должен читать только повесть о Гэндзи[11] и ничего больше? — Сидзуко встала на защиту Като-сенсея. — Может, ему для работы надо?

— Да-да, для работы, — сыронизировала Нанами. — Если в следующий раз мы увидим в его руках альбом весенних картинок[12], ты тоже скажешь «для работы»?

— У меня болит голова, — притворилась Сидзуку, и по-

---

[10] «Нацумэ-сенсей» — обращение к Нацумэ Сосэки (1867–1916), одному из крупнейших японских писателей эпохи Мэйдзи. Упомянутый роман «Ваш покорный слуга кот» публиковался частями в литературном журнале «Кукушка» (Hototogisu) в 1905–1906 гг. и стал острой сатирой на японское общество периода модернизации: повествование ведётся от лица кота, наблюдающего за жизнью семьи своего хозяина.

[11] «Повесть о Гэндзи» (яп. Гэндзи моногатари, нач. XI в.) — роман моногатари, считающийся первым в мире романом и вершиной литературы эпохи Хэйан. Автор — придворная дама Мурасаки Сикибу. Состоит из 54 глав и рисует жизнь аристократии, уделяя особое внимание психологии, поэзии и тонкостям этикета. Для образованного человека эпохи Мэйдзи знание «Повести о Гэндзи» было знаком утончённости — так же, как для европейца знание Шекспира.

[12] «Альбом весенних картинок» (разг.) — альбом эротических гравюр укиё-э.

терла виски пальцами.

Почему-то слышать что-то неприятное о Като-сенсее было так же противно, как если бы говорили о ней. Девушки примолкли, а затем, извинившись, вышли из комнаты, оставив булку с молоком и пищу для размышлений.

2. Бессонница

— Разве я могу быть дежурным? — недоумевал Като.

— Вы тоже работаете в этом учебном заведении, как и я или другой преподаватель. Весь преподавательский состав несет обязанность по дежурству в общежитии пансиона в ночное время, — его продолжала убеждать надзирательница классов Ватанабэ Ику. Женщине было уже за сорок, и она была немногим младше его матери.

— Но я же… Я молодой неженатый мужчина, разве я могу следить за нравственностью студенток в ночное время? На такую роль сгодится Дои — отличный кандидат! Или госпожа Киёхара.

— В этих стенах вы не мужчина, а преподаватель, — возразила она. — Все мирское вы оставляете за порогом.

— Хотелось бы, но… В последнее время слишком многое навалилось, — он прикрыл ладонями лицо, будто пытался смыть с себя ночные кошмары и бессонницу.

— Понимаю, мы не всемогущи, однако вы должны постараться.

Ее реплика осталась без ответа. Хотел бы Като оставлять все тревоги за порогом, но было слишком много «но». Взять, к примеру, недавний случай среди выпускниц…

— Я слышала, — продолжала она вкрадчивым голосом, — если вы проявите должное усердие, вас могут помиловать

и не лишить премии. Ну, скажите, какая выгода от вашего наказания начальству, если они каждые полгода подают метрику в Министерство образования по случаям нарушения трудовой дисциплины работниками?

— Наверное, никакой?

— Акира-кун, о чем я и пытаюсь вам втолковать уже полчаса. Вы просто приходите вечером, я прохожу по комнатам и проверяю дисциплину. Ваше участие — минимальное. Вы можете заниматься своими делами: писать, читать, готовиться к лекциям — без разницы.

— Думаю, после таких уговоров, я не имею права на отказ…

— Не вижу смысла отказываться, если за эту смену вам оплатят жалование в два раза больше! Или вам не нужны деньги? Знаете ли, как сильно подорожал рис после войны?

Като неразборчиво буркнул, вспоминая, что за порцию собы или риса с овощами приходилось выкладывать кругленькую сумму в лапшичной около дома, где он снимал угол.

— Да, хорошо, я приду сегодня к шести вечера, — устало выдохнул и уже было собрался уходить.

Ватанабэ и не думала его отпускать, задержав, когда он уже стоял одетый в проеме двери.

— Вы неважно выглядите. Опять бессонница?

— Нет-нет, все в порядке! — бросил он и выбежал из двери.

Еще чего не хватало, чтобы посторонние люди, коллеги

или знакомые его родителей были в курсе его ночных кошмаров!

Впрочем, Ватанабэ и была для него посторонней, однако являлась и коллегой, и знакомой его родителей. Вполне возможно, дома уже в курсе его нынешнего положения. Это было бы нежелательно...

Като не хотел, чтобы его мать, живущая в Кагосиме, както беспокоилась за него. Она знала, что он вернулся с войны, и говорила всем, показывая его фотографию в военной форме и зачитывая письма вслух, что ее сын — герой. И этого было достаточно.

Все остальные издержки своего (опрометчивого) решения он взял на себя.

Мокрый снег на улице никак не способствовал долгой прогулке с работы до съемного жилья. Рядом с ним на медленном ходу проследовал трамвай. Под перезвон сигнала он быстро побежал за вагоном и успел запрыгнуть на подножку.

Когда в окне замелькали здания, прохожие, лошади, рикши, в голове непрошено возникло давно забытое воспоминание.

Акира, Хиро, и Наоюки частенько любили кататься в трамвае вместо последней пары. На успеваемость в университете это не влияло никак, но за время, проведенное в этом последнем чуде техники, они успевали обсудить слишком многое. Говорили о литературе, о новых течениях в поэзии, о погоде, о новостях и политике. Кажется, что побывали не на

последней паре, а почерпнули намного больше, чем мог поведать на ломаном японском очередной приглашенный иностранец.

Это было до войны. Совсем недавно, будто вчера.

Сигнал трамвая возвестил о его остановке. Кататься в трамвае, наматывая круги по столице, было уже не к месту. Да и не с кем.

Это и есть взрослая жизнь?

По его представлениям, взрослая жизнь начиналась с тех пор, когда приходилось жениться. Появлялась красивая жена, потом дети. Так было правильно. Так было у всех.

Като считал: после всего, что произошло, у него не может быть «правильно». Может быть «кое-как» или «куда вывезет», и то, если очень повезет.

Еще два года назад выпускник Тодая не мог допустить мысли, чтобы кое-как сводить концы с концами и бояться даже собственной тени. Ему светила блестящая карьера, появилась свободная вакансия на заграничную стажировку. Его послали бы учиться в Англию, впитывать в себя знания, чтобы поделиться со своей страной и помочь ей поскорее стать такой же, как и другие развитые страны.

Литература — не математика и не юридические науки, даже не физика и не медицинские науки. Многие студенты в Тодае считали, что без литературы запросто можно прожить. Так считал Наоюки, но не Акира или Хиро.

А впрочем, какая разница, кто как считал, если они сей-

час разбросаны слишком далеко друг от друга? Один из них сейчас был даже слишком далеко.

Мокрый снег продолжал облепливать козырьки лавок, бумажные зонтики прохожих, листья вечнозеленых пальм, однако не задерживался на земле. Под ногами было серо-коричневое месиво из пыли, грязи и конского навоза. Примерно такой вид приняли его юношеские мечты…

Но для окружающих он продолжал быть Като Акирой, выпускником Тодая и преподавателем литературы в элитной женской школе.

Нужно было соответствовать.

Времени хватило как раз на то, чтобы привести себя в порядок и снова поспешить в школу.

Когда он снова появился в стенах школы, уже зажгли электрический свет. Почти немыслимое чудо для такого, как Като. Ярко, красиво, люстры под потолком сияют россыпью бриллиантов. Один только вид электрического света создавал ощущение непонятного праздника.

— Като-кун, ну наконец-то! — в дверях его встретила Ватанабэ с легким поклоном. — Я уж было подумала, что вы проигнорировали мои слова!

— Никак нет, — попытался выдавить из себя подобие вежливой улыбки. — Какие мои обязанности?

— Если понадобится ваша помощь — я вас позову.

Все еще не понимая цели своего пребывания в стенах пансиона в ночное время, он пошел в сторону преподаватель-

ской. Если его роль здесь символическая, значит останется свободная минутка, чтобы написать письмо домой в Кагосиму.

Только вот, о чем писать?

Письмо он получил еще неделю назад, но все никак не мог сесть за ответ. Что можно было написать, если жизнь будто замерла в одном моменте? Утро, лекции, дорога домой, заход в лапшичную, и бесконечный вечер, плавно перетекающий в утро. Великий Гюго говорил, что бессонница — это насилие ночи над человеком. Като был готов подписаться под каждым словом великого.

Да и как можно было писать о том, как у него все хорошо, если вся нынешняя жизнь была похожа на озеро, подернутое рябью в ветреный день? Все настолько непостоянно, что он часто удивлялся: как еще не утонул в пучине и может держаться на плаву?

В первую очередь, его внезапное появление в этом цветнике.

Когда он вернулся с войны, хотел немного побыть в Токио, пережить, переварить случившееся. Ему тогда казалось, что стоит пройти столичными улицами, побывать в тех местах, где они бывали втроем и все как-то само встанет на свои места. Даже если Хиро нет рядом, он отпустит его и не станет горевать. Надеялся найти Цутимуру Наоюки, но так и не нашел.

Наоюки больше всех говорил о надвигающейся войне и

о том, как было бы хорошо записаться в ряды добровольцев. Физические параметры им позволяли. Даром, что учились на отделении литературы, но физическое воспитание, стрельба и фехтование преподавали до самого выпуска. Хоть сейчас в полк!

Что они и сделали с Танакой Хиро.

Отправил домой короткую телеграмму, мол, мама, я записался добровольцем. Обдумывать свой поступок он не хотел, будучи уверенным в правоте. А потом стало некогда. Больше года провел у подножия высоты 203, наблюдая смерти товарищей и каждый день ожидая своей. Перед каждой атакой они читали вслух стихи.

Когда после войны вернулся в Японию, оказалось, что его заслуги не очень-то и нужны. Япония осталась без контрибуций и всего многого, что обещали. Цены взлетели непомерно, а Като вручили небольшое денежное содержание.

Недоволен Портсмутским миром [13]остался не только он.

Люди начали собираться в парках и скверах, обсуждать новости, высказываться. Като однажды проходил мимо парка Хибия, и услышал их речи. Все говорили правильно и ясно. О том, что кипело и у него внутри.

О несправедливости.

Толпа недовольных становилась все больше. Они двину-

---

[13] Портсмутский мирный договор — соглашение между Россией и Японией, завершившее русско-японскую войну 1904–1905 годов. Подписан 23 августа (5 сентября) 1905 года в американском городе Портсмуте.

лись с места, решив пройти демонстрацией по улицам, чтобы на них обратили внимание. Власти боялись их недовольства и выставили полицейские кордоны около важных зданий. Като не помнил, как у него в руках оказалась бутылка с зажигательной смесью, не помнил, как запустил ее куда-то вместе с остальными. Помнил только надпись на вывеске того дома.

«Клиника доктора Сато»

Ему сказали, что этот доктор бесплатно лечил пленных русских офицеров. Като не видел, загорелась ли клиника, но отчетливо помнил, как внутри него всколыхнулась волна недовольства.

На другом конце улицы протестующих уже поджидала полиция. Его руки скрутили очень быстро, и отправили в участок. Ему очень повезло, что разбирательство было по каждому обвиняемому, иначе его бы без всякого суда сослали на север осваивать земли.

Везение (или нет?) продолжалось.

Следователь, высокий, немолодой мужчина с крупными чертами лица и квадратным подбородком, долго допытывался, откуда Като родом, и кто его отец. Когда он узнал, что самурай Като Нобуюки погиб на войне Сэйнан[14], а сам Акира никогда не видел его, спросил:

---

[14] Война Сэйнан (яп. ####, Сэйнан сэнсо:), или Сацумское восстание, — крупнейшее вооруженное выступление самурайской оппозиции против правительства Мэйдзи; проходила с 29 января по 24 сентября 1877 года на острове Кюсю под предводительством Сайго Такамори и завершилась поражением повстанцев.

— Как зовут вашу матушку?

— Като Хана, — ответил он, не совсем понимая, какое это имеет отношение к делу.

— Сын известного самурая, выпускник университета, герой войны, и ввязался в политические протесты?

— Я очень сожалею…

За время, проведенное в полиции, он успел обдумать свое незавидное положение и осознать всю тяжесть поступка. Это можно было назвать одним словом: «позор». Поддавшись спонтанному порыву, одним неправильным поступком он перечеркнул все, над чем так старался прошлые годы. Ему впору было вешать деревянную табличку на шею, как пленному русскому офицеру, только писать на ней не «хороший человек», как у них, а «позорник, не оправдавший надежд матери».

Вот, это было бы правильно.

Все, что произошло с ним после, другой бы на его месте считал подарком судьбы… Като пытался сопротивляться, но следователь говорил что-то неправильное:

— Я знал твоего отца и сейчас не верю, что ты мог пойти на такую глупость, как поджог. Ты говоришь, что не помнишь, как у тебя в руках оказалась бутылка с керосином?

— Н-незнаю… — неуверенно промямлил, до сих пор не понимая, как именно это произошло. Дышать стало тяжело, на лбу выступили крупные капли пота.

Но как было объяснить, что тогда и сейчас имеет провалы

в памяти. Он мог идти по улице, и внезапно потерять ориентир, а вокруг него вырастали образы войны, и он шел уже не по улице, а рвался в бой с винтовкой наперевес. Стоило сморгнуть наваждение, и он снова возвращался туда, откуда его забрало видение. Улица, телеграфные столбы, прохожие — все как обычно, как будто ничего и не было.

— В общем, я дам тебе шанс, — следователь тяжело вздохнул и закурил. — Завтра ты идешь и устраиваешься на работу учителем литературы. Не хочу, чтобы сын Нобуюки пошел по плохому пути. Ты должен помнить, что у тебя есть только один шанс. Если ты оступишься и там, сам понимаешь, что будет.

Следователь не стал озвучивать, что бы с ним случилось, но это было и так понятно.

После этого он и оказался в цветнике.

В преподавательскую вошла госпожа Ватанабэ. Като вынырнул из воспоминаний и посмотрел на чистый лист. Так ничего и не написал.

— Акира-кун, ты представляешь, девушки дружно учат литературу, — с улыбкой проговорила она. — Неужели, взялись за ум? Вы на них хорошо действуете.

Като кивнул, плохо понимая, каким именно образом он на них действует. После того случая решил стать еще строже с ними и задавал примерно столько же, сколько задавали в университете. Иногда спрашивал себя: зачем девушкам столько знаний? Но раз он находится в этих стенах, значит,

поделится всем, что знает сам.

— Давно хотела поинтересоваться, как у тебя дела? Прошло уже два месяца, все не было времени спросить. Господин Ватанабэ интересуется иногда, а мне и сказать нечего.

Она села напротив и посмотрела, ожидая объяснений.

— В целом, неплохо, — начал говорить заготовленными словами. — С работой почти справляюсь, и мне очень стыдно за тот случай на уроке.

Нужно было быть благодарным за шанс, данный следователем, заодно оказавшимся мужем преподавательницы. Работа и подчинение строгому порядку дали свои плоды: непрошеные видения перестали одолевать, зато появилась бессонница, сопровождающаяся кошмарами.

— Ты уснул на уроке. Ночка оказалась бурной? Молодость, я все понимаю… — с сочувствием и некоторой ностальгией в голосе проговорила она.

— Нет! Это не так! — вспыхнул он, заливаясь стыдливым румянцем.

— Значит, тебе нужно лучше спать, — сказала ему и поднялась из-за стола.

Като усмехнулся, затем вывел несколько вежливых фраз для письма в Кагосиму. Ику хлопотала за его спиной. Кажется, она принесла жаровню, затем раздобыла горящие угли и сейчас заваривала чай.

— Я заварила тебе чай с мятой и мелиссой, — она поставила перед ним чашку. — Это должно тебе помочь от бес-

сонницы.

Он взял чашку, и поблагодарил, но мысленно усомнился в ее словах. Может быть, чай помог бы от несерьезной женской бессонницы, навеянной вымышленными переживаниями… Против его бессонницы, наверное, помогла бы только пуля, чтобы точно и навсегда.

Като, обжигаясь, выпил чай и сам не заметил, как провалился в черную пустоту без снов.

3. Прилежная ученица

Солнце за окном почти зашло, а к следующей лекции Сидзуку еще не подготовилась. Она мысленно сделала поправку на зимнее время года и короткий день, но все равно была не довольна. Като-сенсей стал задавать непомерно много, и теперь вместо игры на фисгармонии в холле, она вынуждена сидеть за книгами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.